

СТАРЫЙ ВОЛК

Когда Садык дошел до дачи, тяжелые чувства, одолевавшие его всю дорогу, как будто немножко рассеялись.

На резных, окрашенных в зеленый цвет, воротах щебетала стая воробьев.

Воздух чист; тепло. Снег побурел и кажется маслянистым. Тополі пахнут медвяным запахом почек.

Садык, ослабившись, вошел в низенькую дверь флигелька и фальшиво приподнятым голосом спросил:

— Иль снохи дома нет? Даже самовар не готов. Когда ни приду в гости—всегда так.

Галяметтин прибывал к подошвам сынишкиных валенок деревянные шашечки.

Он бросил работу, поспешно поднялся, взял с печки старенькое одеяло, постелил его на лавку и отозвался:

— Только что за водой пошла. Задержалась что-то. Гарейша! поди, покличь мать. Обуи мои коты.

— Вон она уже идет,—буркнул Гарейша, не слезая с печки.

— Что же это ты, голубчик, отвечаешь оттуда? Если старшие приказывают, надо быстро прыгнуть,—тем же тоном заметил Садык.

Гарейша только носом шмыгнул и заворчал, но так, чтобы гость не слышал:

— Как же, прыгнешь! Голова треснет... Тоже хитрый.

— Ну, как поживаете?—продолжал Садык, усаживаясь на одеяло и кладя оленьи рукавицы на край стола.

— Ничего, пока слава богу. Канители особой не предвидится.

— Та свинья снова не появлялась?

— И след простыл. Ведь я говорил вам...

— Что говорил?

— А то, что пока снег не стает, тревожить не будут.

— Вот еще! Мои слова повторяешь. Разве я не говорил, что они приготовились смазать пятки? То-то и оно-то! Тут-то и смысл блокады...

— Чего?

— Блокады. Понимаешь?

Галляметтин смотрел на гостя непонимающим взглядом. Садык отодвинул рукавицы на середину стола и указательным пальцем очертил вокруг них кольцо.

— Смотри. Англичане теперь вот так окружили. Вместе с весенними водами разбойники—фью! Коли бог даст.

— Гм... К полудню солнце припекать стало. Я уж собрался приспособить к подошвам валенок деревянные шашечки, не то мальчишка насквозь ноги промочит.

— Хорошо делаешь. По сырости-то кто хочешь ноги промочит. Постой—в сарае у Миннибика есть старенькие сапоги. Я пришло.

— А они не дырявые?—живо спросил Гарейша.

— Не очень. На одном сапоге голенище порвалось, на другом союзка отлетела. А больше особых изъянов нет. Ты, Галлям, сумеешь починить.

— В крайнем случае тоже деревянные шашки прибью.

— Конечно... Ремеслом владеешь, людям кланяться не будешь...

Наступила пауза. Садык, приблизив лицо к Галляму, вполголоса сказал:

— Вот еще что: по-моему, следует ту вещь перенести отсюда. Обысков как будто не предвидится.

— Перебить тебя хочу, Садык-абзы,—повернулся Галлям,—с тем не говорил ли?

— С кем?

— Да с тем... Помнишь, у которого породистая корова.

— А! Говорил... несколько раз говорил.

— А он что?

— Хвалит корову.

— Наверно, дорого просит.

— Дело не в цене...

— Иль продать не хочет?

— Подохла, проклятая.

— Корова подохла?

— Да.

— Как же это так?
— Но остался отличный теленок...
— Молодой?
— Известно, не телка.
— Ее, что ль, продать хочет?
— Обещает теленка от нее продать.
— Теленка от этого теленка?
— Да. Неужели не понимаешь?
— Гм... Долго ждать, Садык-абзы.
— Породистая корова, говорят, быстро телится. Я в этих делах толку не понимаю. Могу в других местах поспросить: если ничего не выйдет, постараюсь пока простую корову дать, или вот эту козу твою на лучшую обменяю. Уж в обиде не оставлю, друг Галлям.

Галляметтин расстроился. В душу вкралось сомнение относительно получения «простой коровы» или «хорошей козы». Мелькнула мысль:

«Видимо, хочет дурачить меня старый волк».

— Ночью, когда народ уляжется,—снова нагнул Садык к Галлямю,—выкопай эту вещь, положи в старенький мешок и на санках привези ко мне. Перемечами¹ тебя угощу и с пустыми руками не отпускаю.

— Это можно. Это ничего не стоит,—сказал Галляметтин, желая подчеркнуть свое бесстрашие.

В дом вошла его жена.

— Здравствуйте, Садык-абзы,—заговорила она и, повернувшись к мужу, добавила:—Поди, погляди: там у ворот стоят какие-то люди. Ключи спрашивают.

Садык и Галляметтин одновременно повернулись к окну.

По ту сторону резных ворот стояли подводы. По тропинке к флигелю шел человек.

— Кажись, он,—заметил Галлям.

Садык побледнел:

— Тот?..

— Кажись, да.

— Ступай, выйди скорее. Как бы он сюда не вошел.

Галляметтин торопливо накинул на плечи бешмет и вышел, захватив ключи, висевшие на дверном косяке. Садык с испуганным видом снова уставился в окно.

Неожиданным посетителем заинтересовался и Гарейша. Он

¹ Перемечи — пирожки с начинкой из мяса.

спустился с печки и, надевая непомерно большие старые отцовские коты, спросил:

— Когда сапоги-то дашь?

— Чего?

— Сапоги, спрашиваю, когда дашь?

Вопрос мальчика прозвучал в ушах старика обидной насмешкой, и он ничего не ответил. Но Гарейша не отставал:

— Или раздумал?

— Отстань, поросенок!—зло крикнул Садык.

Гарейша удивился неожиданной злобе Садыка, но не смолчал.

— Сам обещался... Если не хотел дать, нечего было и обманывать!

— Раз обещался, значит дам, паршивый индюк!

— Будешь паршивый, если сапогов нет. И ты бы на моем месте не лучшим был,—огрызнулся Гарейша с порога.

Садык не слышал последних слов мальчика. Все его внимание было сосредоточено на происходящем около ворот. Во двор въехало с десятков подвод. Людей еще больше. Почти на всех были надеты крестьянские шубы или чекмени. На головах—ушанки, татарские шапки или папахи. Только человек, шедший за ключом, был одет по-городскому. Проходя мимо флигеля, все они внимательно смотрели в окна. Садык отодвинулся в глубь комнаты.

К удивлению Садыка, на лице вернувшегося Галляметтина не было и следов страха. Наоборот, оно сияло удовольствием, чуть не радостью, а глаза смотрели даже насмешливо. Он повесил ключ на прежнее место и спокойно сказал:

— Водокачку разобрать хотят. Асхапджамал, уведи козу отсюда, как бы не искалечили.

Асхапджамал торопливо вышла.

Садык не мог вымолвить ни слова. Уже при виде лошадей, стоящих у ворот, сердце его похолодело, и он понял, куда клонится дело.

А Галляметтин вконец смутил его. Наклонившись к старику, он сказал:

— Ты, Садык-абзы, утекай отсюда поскорее, не то и тебе и мне плохо будет... Сам знаешь, какое теперь время.

— Верно... Аллах сохрани и помилуй... Послушай-ка, братец Галляметтин! Бревна, о которых ты говорил, я приготовил. Они лежат во дворе Гульбики.

— Для чего эти бревна?

— Ведь мы с тобой уже говорили. Пускай бревна водо-

качки не вырывают, а конфискуют те, готовые. Объясни ты им. Если, как мы говорили в тот раз...

— Ну ладно, только ты потихоньку удрай. Они к водокачке прошли... Рукавицы не забудь.

В дверях Садык столкнулся с Гарейшей. Ноги мальчика выскользнули из отцовских котов, и он упал; Садык, споткнувшись, чуть не последовал за ним.

— Ишь, постреленок! Так и вертится под ногами,—возмущился Садык.

Дойдя до калитки, он со страхом оглянулся, не гонится ли кто за ним, и быстро скрылся.

— Отец,—спросил Гарейша,—а даст Садык-абзы сапоги?

— Трудно сказать, сынок,—ответил Галлям,—ну, да мы сумеем расправиться с ним.

— Разве побьешь?

— Хуже.

— Палец откусишь?

— Хуже.

Гарейша успокоился и не долго ломал голову над вопросом—что же может быть хуже откушенного пальца?

Галлям подошел к водокачке. Некоторое время на него никто не обращал внимания. Каждый был занят своим делом. Водокачка трещала. Топоры, клещи, ломы сотрясали ее со всех сторон. Дело спорилось. Стоявшие недалеко лошади прями ушами, будто сияясь понять, что происходит перед их глазами.

На самом верху, около чана, Мортаза и Хидиат отдирали бревна, освобождая путь к снятию чана. Ахмет отвинчивал трубу, соединявшую чан с насосом. Несколько человек, орудуя топорами, вырывали доски, лопатами разгребали снег.

Галлям подошел ближе. Халик, по прозвищу «Щука», заметил его:

— Здорово, земляк!

— Здорово...

— Что поделываешь?

— Живу здесь... Дачу сторожу...

— Вон оно что!

— Да...

— А кто был хозяином?

— Чего?

— Да дачи этой?

— Теперь владеет ею Губанов.

— Русский купец, что ли?

— Нет, не купец... Так себе...

— Спекулянт, значит?

— Какой спекулянт!.. Есть ведь на Мазуровской улице дом с большой красной вывеской? Там Губанов и помещается.

— Там исполком.

— Исполком—это другое. А это так себе, большей частью детьми занимается. Летом в эти дачи детей перевозят. Значит, детские дома.

— А, вот оно что,—промолвил Халик тоном понявшего.— А кто это недавно из ворот вышел? Кажись, Садык-абзы?

Галляметтин смутился от неожиданного вопроса. Но, подумав, что отрицать может быть для него же хуже, решил ответить правду:

— Он, сукин сын, старый мошенник.

Мортаза и Хидиат все еще возились около чана.

— Эй, поглядите сюда!—крикнул Мортаза стоявшим внизу.— Нужно связать два аркана. Обмотаем чан и спустим. Мы будем сверху подталкивать. Халик-абзы, Тохфет, сгребите снег сюда. В мягкое скатим.

Галляметтин не знал, чем объяснить причину прихода Садыка, и почувствовал облегчение, когда по его адресу у него сорвались с языка слова: «сукин сын», «мошенник». Но этим дело не ограничилось. Главный узел лежал на сердце. Его нужно развязать, но надо найти для этого подходящий момент.

— У меня деревянная лопата есть,—вдруг сказал он,—я сейчас принесу ее и маленько помогу вам.

— Насчет помощи как хочешь, а вот если лопату принесешь, будет неплохо. Снег деревянной лопатой сгребать сподручнее,—ответил Халик.

Галлям принес лопату и с усердием помог сгребать снег. Выбрав удобный момент, он приблизился к Халику и приглушенным голосом спросил:

— Кто здесь начальник?

— Начальник?.. Вон, наверху, Хидиатом зовут... Председатель.

— Черноусый?

— Нет, то заместитель, значит помощник председателя, Мортаза. Хорошие парни.

— А этот кто, в черном пальто?—продолжал расспрашивать Галлям, указывая на Ахмета, крутящегося вокруг насоса.

— Это Галиахмет, наш уполномоченный. В городе жил. Образованный.

Галлям был доволен словоохотливостью Халика и с еще большим усердием налег на работу.

— Тем временем чан опутали арканом, и Мортаза крикнул:

— Товарищи! К аркану!

Наступил момент спуска чана.

К месту необычайного события подбежал Гарейша в сопровождении своих друзей, Бобика и Медка, и ухватился за свободный конец аркана. Собаки ни на шаг не ютставали от Гарейши и увивались около него, будто желая помочь, но жалуясь на отсутствие рук.

Хасанджан тонким пронзительным голосом затянул «Дуби-пушку». Хидиат и Мартаза подталкивали чан ломами. Не успели более десяти раз повторить: «Зеленая сама пойдет»,—раздался скрежет, чан сдвинулся, на секунду повис в воздухе и ухнул в снежный сугроб. Бобик и Медок от страха присели и в ту же минуту с визгом сорвались с места и умчались со двора. Вздогнули и заметались в испуге лошади. Гарейша пронзительно кричал от восторга.

Народ столпился вокруг чана, будто вокруг побежденного богатыря. Бок, на который он упал, немного примялся.

— Это все из-за мальчишки, он неожиданно дернул аркан,—сказал Халик.

— Кабы не он, чан медленно сполз бы,—прибавил другой. Гарейша покраснел и задорно крикнул:

— Ишь ты! Все тянули!

— Ладно, на первый раз не взыщем. Отец у тебя, похоже, хороший человек,—потрепал Халик по плечу мальчика.

Чан откатали. Мортаза и Хидиат влезли в него, приставили к примятому боку доску и стали бить по ней тупым концом лома. Бок выровнялся. Гарейша с облегчением вздохнул: теперь уже никто не будет требовать возмещения убытков!

К этому времени всю водокачку разобрали, и на ее месте торчали одни голые бревна.

Галляметтин понимал, что далее медлить нельзя. Ведь, если они найдут зарытые вещи прежде, чем он расскажет о них, его обвинят в сообщничестве. Возможно, и теперь еще привяжутся: дескать, почему раньше не сказал?

Галляметтин решил переговорить с Ахметом: как-никак он с ним раз уже встречался, а кроме того, на основании слов Халика о его образованности, он мог рассчитывать на снисхождение. Галляметтин подошел к Ахмету и пробормотал, чувствуя дрожь в коленях и сухость в горле:

- Товарищ, что я хочу тебе сказать...
- Ну, в чем дело?
- Да вот дело-то хитрое. Но моего участия в нем нет. Я должен об этом заранее сказать.
- Ну?
- И вы обратите на это внимание.
- На что?
- На мои слова.
- Ладно.
- Давеча приходил Садык-бай¹. Может, ты и сам видел...
- Видел, как он уходил.
- Ну вот...
- И это все?
- Зачем—все? Ты слушай...
- Зачем же он сюда ходит?

Галляметтин многозначительно посмотрел на Ахмета и выразительно ответил:

- Вот и ходит...
- Ты скажи только—зачем?
- Он хочет мне корову дать.
- Ахмету начал надоедать длинный разговор.
- Корову? Какую корову?—равнодушно спросил он, глядя в сторону.
- Отличную корову... И породу называл, да я забыл
- Так... Это не плохо...
- А сыну моему Гарейше обещался отличные сапоги подарить.

Ахмет скользнул взглядом по мальчугану в больших котях.

- Обещался и не дал, что ли?
- Какое—не дал? С удовольствием даст и корову и сапоги...
- В чем же тогда дело?
- Я не возьму. Не надо мне. У меня коза есть.
- «Наверно, он сумасшедший?»—мелькнуло в голове Ахмета.
- Ну, да здравствует коза! Ты волен поступать, как хочешь... Кончил, что ли?
- Чего кончил?
- Разговор свой, спрашиваю, кончил?
- Ха! Да я еще и не начинал. А разговор интересный,—таинственно сказал Галлям.
- Вали. Говори скорее, а то некогда мне.

---

¹ Бай — богат.

— У него здесь вещи зарыты!

Ахмет, вздрогнул. С быстротой молнии мелькнул вопрос: что зарыто? золото? оружие?

— Какие вещи? Чьи?—отрывисто спросил он.

— Садык-бая. А какие вещи—сами увидите, когда выкопаете.

— Знаешь, где они?

— Как не знать?—вопросом же ответил побледневший Галлям.

— Где?—спросил Ахмет, в упор глядя на него.

— В водокачке... По правую сторону от двери.

Сказал и испугался.

Ахмет заинтересовался и сказал после минутного раздумья:

— Пойдем к товарищам...

Галлям молча глубже надвинул шапку и последовал за Ахметом.

Сначала Ахмет рассказал о слышанном Хидиату. От удивления глаза Хидиата широко раскрылись, в них засветилась улыбка.

— Мортаза, Каюм-абзы, идите-ка сюда. Дело есть,—позвал он.

Галляма окружили. Халик начал расспрашивать:

— Ну, земляк, есть ли среди закопанных вещей что-нибудь ценное? Золото, серебро, например?

— Точно не знаю,—отозвался Галлям,—сам говорил, что есть там всякая серебряная посуда.

— Ага... Это тоже не плохо... Чем щербатыми ложками кашу хлебать, лучше серебряными. Не так ли, Фасхеттин?

Фасхеттин широко улыбнулся.

— Немедленно нужно известить коменданта и Чека, ребята. Дело серьезное,—перебил Каюм тоном, ясно говорившим, что здесь шутки неуместны.

Никто не возражал.

Ахмет вскочил в сани и, что есть духу, погнал Пегашку. Гарейша не хотел упустить благоприятный случай и уцепился за край саней, но кнут, которым размахивал Ахмет, больно задел его щеку, и он, не успев выехать со двора, кубарем скатился с саней. Бобик и Медок отказались от желания мчаться вслед за лошадьёю. Раз человек не мог усидеть, стоит ли им рисковать?

Коменданта города Архипова, человека горячего, прямого, Ахмет знал уже несколько лет. Зимой Архипов ходил в полушубке, летом в расстегнутой косоворотке. Городские мещане при виде его фигуры кривили рты.

— Видал? Ведь гроша ломаного не стоит, а состоит вроде как на должности полицмейстера.

— Матрос, кажется...

— Какой матрос! Слесарь железнодорожного депо...

— Какой же он слесарь! Просто—сын пекаря. Я же сам знаю, как он вместе со своим отцом, Егоркой, работал в пекарне Сергея Степаныча. Как сегодня, помню его рожу, обсыпанную мукой. Изменился он уже во время гражданской войны.

— Вот, чорт возьми! А теперь поговори-ка с ним!

— Отчего же! Он парень простой, но серьезный. Был начальником рабочего отряда, воевавшего против дутовских казачков.

Архипов встретил Ахмета довольно холодно. Выслушав его, он позвонил председателю Чека Борисову.

— Вы на лошади приехали?—спросил он Ахмета.

— Да.

— Хорошо. Евсеич,—обратился он к явившемуся на звонок секретарю,—мне нужно сургуч и шнур. Скажи дежурному, что со мной поедут два милиционера.

Секретарь ушел.

Архипов задал Ахмету несколько вопросов о том, как были обнаружены вещи.

— Как вы думаете, караульщик с ним же в компании?

У Ахмета и самого зародилось было на этот счет подозрение, но при воспоминании об одежде Галляма и его сына подозрение значительно поколебалось.

Все же Ахмет решил не брать на себя ответственности в данном случае и ответил:

— Ничего сказать не могу. Сами все расследуете.

Посадив одного милиционера за кучера, другого рядом с собой, Архипов поехал на дачу. Ахмет последовал за ним. По дороге к ним присоединились еще два сотрудника Чека.

Когда они приехали на дачу, водокачка была уже разобрана, и доски с бревнами погружены на подводы.

Первым делом Архипов спросил, по чьему разрешению разобрали водокачку. Хидиат стал искать по карманам ордер горсовета.

В это время к Галляметтину подошел Гарейша, потянул его за полу и шепнул:

— Папа, Садык-абзы снова пришел. Тебя кличет.

Галлям испугался.

— Ступай! Не шуми. Мне некогда! Пусть сам идет, коли надо. Провалиться бы ему,—процедил он сквозь зубы.

Архипов прочел ордер, вернул его Хидиату и спросил:

— Ну, а где зарытые вещи?

— Это уж вот товарищ знает,—указал Хидиат на Галляма.

— Сюда идите,—позвал Галлям.

Несколько человек по его указанию начали рыть землю.

— Давно ли ты узнал о закопанных вещах?—спросил Архипов.

— А как же не давно-то? Они уже сколько времени здесь лежат.

— Все-таки?

— Да с осени. С первопутку.

— Почему же ты до сих пор не заявил властям?

— А я не знал.

— Чего не знал?

Галлям задумался.

— Разве раньше оповестить надо было?

— Тут же, как только узнал.

— Кого? Тебя, что ли?

— Меня ли, район ли—все равно.

— Мне об этом никто не говорил, а сам я не догадался. А как приехали эти товарищи, конечно, сказал.

Садык-абыз волчьим взглядом серых глаз следил из маленького оконца сеней за дружным взлетом ломов и лопат, за фигурами людей, толпившихся на месте снесенной водокачки.

При виде Галляма, разговаривающего с Архиповым, он почувствовал беспокойство. Стук лопат о мерзлую землю пугал его, навевая смутный страх. Долго мучился Садык от обуявших его подозрений, а когда двое людей, одетые в серые шинели, подняли и положили на сани большой жестяной бидон, он весь похолодел, перед глазами поплыл черный туман. Старик грохнулся на какой-то пустой ящик и запричитал:

— Конечно, все кончено! Я погиб. Восемьдесят тысяч... золотом... и бриллианты... Кончено, кончено...

Проводив подводы, Галлям вернулся в дом. Садык набросился на него.

— Убей, закопай меня! Да будь ты проклят! Погубил! Погубил! Ну, закопай в яму! Лучше будет! Проклятый, проклятый!

Галлям спокойно ответил:

— А где же железную лопату взять? Ты бы до их отъезда сказал.

— У Федора Ефимыча на даче есть железная лопата. Принести, что ль?—подлетел Гарейша.

— Не надо. Он шутит.

Гарейша бросил на Садыка недовольный взгляд:

— Обманщик!

М. МАКСУД

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Безумству храбрых поем мы песню.
М. Горький

Весна идет...
Весна, она глупая.
Глупы ее воды, ее реки.
По реке плывут льдины,
Ударяются о столбы,
Валят их
И разбиваются сами.
За ними идут другие, еще более сильные.
Текут, текут.
Затопить, затопить.
Они говорят:
«Смысл жизни в разливе».
И спешат.

Сегодня меня обласкали первые лучи солнца.
Привет тебе, весеннее солнце!
Привет тебе, весенний свет!
Добро пожаловать!
И взобрался на окно. Окно было открыто...
— Я прыгну на солнце,
Охапками захвачу свет...
Скорее! Скорее!
Хочу жить, купаясь в свете.
Скорее начну эту жизнь.
Приди, солнце!
И я пойду к тебе.

А если сгорю?
Эх, глупыши!
Гореть—наслаждение.
Тлеть—позор.

Идет весна новой жизни. Разливается море молодых сил.
Могучие стремления текут вперед. Ударяются о толстые бревна.
Но они гнилые, рассыпаются под напором молодых сил.

Сегодня я был на заседании ячейки. Большинство—молодежь.
Во взглядах разлита сила. После собрания запели:

Ай да ребята, ай да комсомольцы,
Браво, браво, молодцы!

— Хорошо здесь поете. Но если бы пришлось накинуть на плечи винтовку, замолчали бы,—заметил один.

— А ты сам замолчал бы?

— Нет, я бы пошел вприпрыжку.

— Так же пошли б и остальные.

Молодежь—сила.

В ее груди широкое море.

Это море бушует, разливается.

Молодежь бесстрашна.

Прыгнет на солнце,

Полезет в огонь,

Накинёт на плечи винтовку и пойдет на кровавые поля.

Там будет шагать через трупы.

Хлопая в крови, двинется вперед.

Страх?

Что это такое?

Усталость?

Разве устают льдины, плывущие вперед в весенний разлив?

Они плывут, разрывая плотины, круша столбы, и... разбиваются.

За ними идут другие, более сильные.

Ведь это весна.

Разве вы не знаете весну?

Она несет лето, несет пышные цветы, а потом и плоды...

Сегодня меня обласкали весенние лучи.

Весна идет.

Идет прекрасная, могучая весна нового мира.

Она несет светлую жизнь.

Ура!

ЖРЕБИЙ

І. СТАРУШЕЧЬЯ ГОРА

О Старушечью гору разбиваются ветры. Вершина Старушечьей горы—место их встреч. А у подножья ее, куда ни кинешь взгляд, тянутся фруктовые сады, огороды, обнесенные низким плетнем, широкие раздольные луга с высокими копнами сена. Далее извивается Днепр, шумят густые леса, блестят озера, скованные высокими берегами. Около озер приютились деревни с избенками, похожими на белые коробки, и огороженный высокой каменной стеной монастырь.

Воздух на Старушечьей горе пьянит, а ветры пахнут весенней радостью.

В старину монахи доставляли на ближайшую пристань наливные яблоки, мясистые, сочные сливы, липовый мед, успокаивающий головную боль, живых щук и окуней, в изобилии водившихся в озерах.

Но это было давно. Теперь лица монахов не досытаются от жира. Они бродят молчаливо, как сумеречные тени. На лицах, плечах осела пыль, и похожи они на иконы, не чищенные сотню лет.

Изредка из соседних сел приходят дряхлые старухи, и тогда монастырь немного оживает. Раздается колокольный звон. Богомолыцы бьют лбами о каменный пол. Потом выходят на широкий двор и начинают со вздохами разговоры о прежнем житье-бытье.

Когда за Старушечьей горой в первый раз прогремел «Интернационал», в монастыре поняли, что приближается какая-то перемена.

В это же время в городах на стенах зданий запестрели

листки приказа. На заборах не осталось щелей,—они были плотно заклеены бумагой.

«Округ объявляется на военном положении... Кто не подчинится приказу... будет присужден к расстрелу»...

У городских обывателей и монахов, пришедших на базар в поисках свечей, головы закружились, как колеса. Ночи их окутались в клубок бесконечных страшных сновидений. Дни окутались бредом и страхом. Каждого встречного окидывали подозрительным взглядом. Перед глазами вихрились непонятные слова: «Комендант... Комиссар... Ревком... Чека... Конфискация... Контрибуция...» И не было им ни конца ни края.

Даже старожилы города плутали по переименованным улицам.

Базарная площадь превратилась в Советскую; узенькие улочки стали называться улицей Коммунаров, Краснознаменной, Парижской коммуны.

Вместо прежних огромных вывесок появились новые:

Продком—Артель—Комиссия — Главчай

Следом за переменами, новшествами одна за другой шла война, смена властей.

Эти перемены превратились в сплошной ураган. Ужас охватил деревушки, притаившиеся у подножья Старушечьей горы.

Хлебопашцы, целыми днями возившиеся на гумнах, забыли, что значит раздеваться на ночь. С криком первых петухов открывали они глаза и ждали:

«Что-то будет сегодня? Какие вести принесет ветер?»

Однажды за скирдами, окаймлявшими деревню Макарово, показался верховой, на шлеме которого алела звезда... 'Его обступили. Стали расспрашивать. Верховой говорил успокоительно. Его напоили чаем. За чаем завязалась беседа. От верхового в шлеме с красной звездой потянулись в сердца крестьян невидимые нити. Крестьяне впервые встретили человека, который толком говорил о советах, о Ленине, о Красной армии.

— У вас есть советы?

— Нет.

— Почему?

— Не знаем.

— Есть ячейка?

— А что это такое?

Выяснилось, что ячейки тоже нет, что крестьяне не различают ячейки от Чека.

— Что же у вас есть?

— Ничего нет.

— Почему?

— Да уж так... Живем, картошку жуем... У нас в деревне сменилось четырнадцать властей. За всеми не угонишься...

Беседа длилась долго. Парень в шлеме что-то записывал. Разговор подходил к концу. Перед самым отъездом верхового один из крестьян, прищулив глаза, с улыбкой спросил:

— А ты сам какой нации будешь?

— Татарин.

По дороге за клубилась пыль, потревоженная конскими копытами. Верховой скачет... Верховой—это Хайрулка, посланец особого отряда N-ской красной бригады, стоящей на противоположном берегу Днепра.

II. ТЕНЬ

Враг, прогремев по тучным полям разбойничьей песней, свистом плетей, трескотней пулеметов, рассыпался по берегу Днепра.

По могучей реке, смывающей камни, выворачивающей с корнем деревья, разнеслась весть о приходе нового хозяина.

Но могучая река молчала.

Вместе с врагом ползли танки, похожие на доисторические чудовища, броневики и орудия с вытянутыми злобно хоботами.

В штабе белогвардейцев прибавилась работа. Зародилась растерянность. Увеличился страх. Слухи росли, ширились.

Днем «для внедрения спокойствия» организовали порку крестьян. А вечером на деревьях, на телеграфных столбах качались их трупы.

Дует ветер. Качаются трупы... Туда-сюда... Туда-сюда...

Ветер затих. Ветви не шелхнутся. На небе ни облака. Деревни объаты мраком. В деревнях боятся даже зажечь лучину. Ведь здесь каждый день новые «хозяева».

Вчера были белые. Сегодня—поляки. Завтра—Махно. Смена властей большей частью происходит по ночам. Солдаты, если увидят освещенное окно, заполняют избу. Их и накорми, и напои, и спать уложи.

У крестьян есть жены, дочери. И тут обязательно жди скандала. В довершение замучают расспросами: «Ты от «тех» сведений не получаешь ли?»

Так думает крестьянин. Крестьянину надоела эта неразбериха. Надоело приманивать на огонек живую напасть. Поэтому деревни объаты мраком.

Теплые июльские вечера не кутаются в облака. Вечера похожи один на другой. Они играют рассыпанными по небу звездами и шепчут:

— Как хорошо! Как красиво! А вы, молодежь, боитесь даже звякнуть гармошкой?

...Так проходят вечера. И никто не может остановить их.

...Вечер. Небо гладкое, голубое. Только блеск звезд шершавит эту гладь и легким покровом окутывает горы, сады, желтеющие нивы, поникшие головки подсолнухов.

Вот озеро.

В озере еле-еле отражается мерцание звезд. Тени прибрежного тальника не закрывают их отражений. Тальник ласково шуршит.

Вон, в конце озера, где берег особенно извилист, играет отражение яркой звезды. И кажется, будто свет ее, как бурав, проникает до самого дна.

Вдруг на середине озера что-то зашевелилось. Вскоре обрисовался силуэт широкополой соломенной шляпы. Соломенная шляпа плыла, затемнив отражение звезд, и остановилась у берега под нависшей ивой. Рядом с тенью шляпы выросла другая тень — обреза.

Длинноволосый, бородатый монах, бродящий ночью с обрезом, вызывал подозрения:

— Откуда? Куда идет?

— Каким спешным делом занят он в неурочное время?

— Почему глаза его устремлены на тот берег Днепра?

— Почему?

Это неспроста!

III. КОГДА БЛЕСТЯТ РИЗЫ...

В монастыре есть кирпичный сарай с одним окошком. В самом центре сарая вырыта яма двухаршинной глубины. Некогда по краям ее стояли скамейки. В прежние времена на эти скамейки сажали священников, с которых за «прегрешения» снимали сан.

Под взорами пастырей всей округи усаживали провинившегося попа на скамейку и сбрасывали ему волосы и бороду. Тупой, заржавленной от времени бритвой архиерей проводил по волосам. За ним другие. Голова виновного обливалась кровью.

За последние годы этот обычай исчез. Знаменитая бритва спокойно ржавела под самой большой иконой монастырской церкви.

В прошлом году хотел было один монах нащипать ею лучину, да обрезал руку. С тех пор никто не тревожит покой «священной» бритвы.

Что касается кирпичного сарая, то в нем могут спокойно спать монахи. Мух, комаров там не водится. Тишина. Спокойствие. Ну, а мокрицы и мыши—неприятность не ахти какая.

В яме стоит большая дубовая кадка с хлебным квасом. Каждый жаждущий, проснувшись от тяжелого сна, наклоняется над кадкой и, отдувая плавающие на поверхности соринки и прелые листья, тянет квас ртом, обмакивая в него усы и бороду.

Раз как-то нашли в кадке лягушку, но—с кем греха не бывает?—забыли в тот же день.

С того момента, как из города стали доходить тревожные слухи, архиерей как в воду канул. Некоторые даже утверждали, что вместе с купчихой Ертышовой он бежал за границу.

Услышав это, монахи почувствовали себя свободными. Работы мало. Спи хоть целую неделю кверху брюхом.

Но когда загудели листы железа, которыми была обита верхушка высокой монастырской стены, стало не до сладких сновидений.

Куда ни высунь голову, везде жужжат пули. Монахи не особенно жаждали вкусить сладости загробной жизни и поэтому поспешили покрепче запереть ворота.

От частых выстрелов белая гладкая стена стала совершенно рябой.

Монахи сидят, не пикнут. Ходят на цыпочках. А когда воздух насытился запахом пороха, заперлись в кирпичном сарае, зажгли на краю кадушки тоненькую свечку и стали поминать всех святых: авось, который-нибудь поможет избавиться от напасти.

Но надежды не оправдались.

Двое монахов—отец Яков и отец Пантелеймон, не успевшие

запереться в сарае, подобрали рясы и рысью пустились к дому, стоявшему около церкви.

Одна стена этого дома выходила к озеру, заросшему камышами. Одна комната служила трапезной, остальные отводились для приезжих гостей. В дальнем углу помещалась молельня со множеством икон.

Отец Яков и отец Пантелеймон, как сычи, приютившиеся среди ветвей сгнившей осины, заперлись в молельне и сели на подоконник. Кроме них в доме никого не было. Небо потемнело. Лунный свет, пробравшись сквозь решетку, заиграл на ризах икон.

К полуночи выстрелы как будто утихли. Но не успел отец Яков вздремнуть, как у ворот монастыря послышались голоса.

Отец Пантелеймон, присев на корточки, осторожно выглянул в окно. Возле монастырской стены, выходящей в фруктовый сад, колебалось множество теней. У монахов задрожали колени. Отец Яков, перекрестившись, поднял крышку подполья, и оба исчезли в нем.

Шум все усиливался.

Под сильными ударами затрещали ворота.

— Если через пять минут не впустите, взорвем весь монастырь.

Прошла минута. Другая...

— Открываете или нет? Пироксилин готов. Через три минуты подожжем фитили.

Минуты текли...

На исходе срока скрипнул засов. Ворота открылись, закрывая собой испуганную фигуру монаха в черной рясе.

Во двор, дребезжа, въехали телеги. Стали искать того, кто открыл ворота, но не нашли.

Лошадей распрягли, выставили часовых и стали осматривать двор. На церковных дверях висел огромный замок. Решили осмотреть только дом. Там царила мертвая тишина. Лишь ярко блестели ризы на многочисленных иконах.

Значит—можно спать до утра.

Тут же, не раздеваясь, повалились на пол и захрапели.

Луна скрылась за деревьями. Стало темно. Лики святых пожелтели, как лимон. Казалось, они сердито, насупив брови, смотрят на спящих красноармейцев. А красноармейцы продолжают спокойно похрапывать.

Не спят только Хайрулка и командир батальона. Они лежат, прислушиваясь к каждому шороху. Вот за лесом щелкнул выстрел. «Иль... идут?» Выстрелы приближаются. Они уже раздаются у самого монастыря.

Явь сплетается со сном. Веки Хайрулки тяжелеют, слипаются. И снится ему, что война кончилась и он возвращается домой. Раны зажили. Вот поезд.

Колеса стучат приветливо, ласково. Под их аккомпанемент Хайрулка напевает:

— Раттата... рата... таратта... та...

Хайрулка сидит у открытого окна вагона, смотрит на зеленые дуга, на тень лесов, на вершины гор, на яркие звезды и вспоминает свою жизнь.

Сколько переживаний!.. Сколько трудностей! Трудностей, которыми переплетен путь большевика. Может быть, пережитое перед мощью будущих дней окажется маленьким, как капля, как пылинка. Может быть, он испытал только крохотную частицу этой борьбы, и впереди его ждет жизнь еще более интересная, еще более опасная, еще более полная.

Раттата... ратта... та... Есть еще...

Есть еще...

Переживаний много еще... Много еще...

...Вдруг поезд остановился. Буфера с лязгом столкнулись. Хайрулка открыл глаза.

Дверь открыта. Во дворе шум. У дверей стоит монах, окруженный красноармейцами.

Его привели на допрос.

Дело было так: один из часовых уловил на огороде шорох и взял винтовку на прицел. Тут он ясно увидел огромного монаха в широкополой шляпе, который бросил обрез и пустился наутек.

По сигналу часового монаха схватили и привели в дом. Он-то и стоял теперь перед Хайрулкой.

— По-русски понимаешь?

Трусливый взгляд монаха перебегал с предмета на предмет, изредка останавливаясь на Хайрулке. Монах молчал.

— Будешь отвечать?

Тишина.

— Читать умеешь?—что есть силы крикнул Хайрулка, но монах и не дрогнул.

Начальник отряда наставил на монаха наган.

— Если и это не поймешь, будешь рыб кормить!

По телу монаха волной пробежала дрожь, а из горла вырвался невнятный крик.

Монаха вывели. Его глаза горели, руки тряслись. Он чуть не падал. Его снова ввели в дом. На этот раз у него язык развязался, и он с трудом забормotal:

— Я... я... не понял... Напугали... Денег дали...

Больше он не прибавил ни слова. На этом допрос окончился. Вскоре у монастырской стены щелкнули выстрелы. Их звук объяснил монахам, укрывшимся в кирпичном сарае, кто и над кем совершил суд.

На заре нашли спрятавшихся монахов. Их вывели на двор, обыскали, но ничего особенного не нашли.

«Проучат одного-другого за то, что ворота не открыли. Остальных отпустят. Что с ними делать? Ишь, какие они заплесневелые!»—думали красноармейцы.

Но приказ командира батальона оказался неожиданным и всем понравился:

— Монахов запирайте в церковь. Ключ отдайте дежурному. В семь часов тронемся в путь. В монастыре останется дежурный взвод из восемнадцати человек.

Красноармейцы, довольные таким оборотом дела, принялись за чаепитие. Тем временем выстрелы почти затихли. Передовые силы фронта отошли на другой участок.

Пока красноармейцы пили чай, монахи черной стаей прошли в церковь. На двери повис огромный, заржавленный замок, и ключ первый раз в своей жизни перешел в руки безбожника Хайрулки.

IV. ЖРЕБИЙ

С момента ухода батальона прошло полсутки.

«Батальон должен настичь врага у берега Днепра»,—таков был приказ штаба бригады.

Штаб бригады, с которым связана жизнь каждого красноармейца, который держит в своих руках провода от трех полков и одного батальона, внимательно следит за особым батальоном.

Судьба батальона висит на волоске.

Батальон шагает по отточенному лезвию бритвы.

В штабе ждут... Штаб беспокоится... Неотрывно думает комиссар штаба об исходе этой битвы.

Думы... думы...

А пальцы безостановочно бегают по карте, разостланной на

полу. После каждого телефонного звонка увеличивается количество красных или синих отметок.

«Особый батальон сейчас здесь. Теперь вот здесь. Двинулся... Идет... Неприятель его не замечает... Скоро... скоро батальон исполнит возложенную на него задачу».

В штабе бригады зародилась уверенность. Через полчаса полк бригады должен атаковать правый фланг неприятеля.

«А потом?»—зашевелился в голове командира непрощенный вопрос, тормозя плавное течение мыслей.

«Скоро батальон исполнит возложенную на него задачу, и второй полк ударит по правому флангу неприятеля».

И вдруг в эту мысль вклинивается вопрос:

«А потом?»

Командир батальона, человек с седой головой, двумя черточками подчеркнул кружок на карте и поставил большой знак вопроса. Бес его знает, на что это было нужно!

«Необходимо переговорить с комиссаром».

Снова захрипел телефон:

— Второй полк готовится к бою.

Через десять минут еще:

— Бой начался.

И тут же командир отдельного батальона рапортует:

— Задачу выполнили. Подробный доклад сделаю лично. При переводе из монастыря дежурного взвода...

Но командир бригады перебивает:

— Отлично! Вместе с комиссаром явитесь в штаб. Дежурный батальона пока останется на месте.

Поле битвы сразу загудело.

У лесной опушки, молчаливой несколько минут тому назад, зашелкали пули, неся запах смерти. На горе заговорил пулемет.

Где-то вдалеке послышался крик «ур-ра». Вздыхая пыль, разорвался снаряд.

...Там второй полк.

У одной из пристаней Днепра стоит маленький пароходик, похожий на белую птицу. На пароходке—штаб бригады. И бой, происходящей у Старушечьей горы, верст за тридцать отсюда, связан с этим вот маленьким пароходом. Сюда же ведут нити победы.

В тридцати пяти верстах от места боя—монастырь.

Монахи заперты в церкви.

Ключ от дверей в кармане брюк Хайрулки. Хайрулка—в дежурном взводе отдельного батальона. Дежурный взвод чистит винтовки во дворе монастыря. В дежурном взводе восемнадцать винтовок, один пулемет, четыреста патронов.

В походном котле преет чечевичная каша. Запах разносится по всему монастырскому двору. Вкусно!

На телеге, рядом с походным котлом, архив бригады: разные документы, исполненные приказы и «секретные дела».

Архив заперт в железном сундуке. На замке—сургучная печать. У телеги, с заткнутыми за пояс тремя бомбами, с наганом на правом боку, стоит красноармеец-мещеряк.

Охрана архива—самая большая, самая трудная задача, возложенная на дежурный взвод. По словам адъютанта штаба, архив должен быть препровожден в Киев, но пока лежит здесь.

В клубок борьбы, идущей у Старушечьей горы, связаны отдельный батальон, второй полк, штаб, дежурный взвод.

Дежурный взвод теперь непосредственно подчиняется штабу.

...Хайрулка с утра знакомится с монастырем. Вместе с несколькими красноармейцами заглянул в кирпичный сарай. При свете зажженной спички исследовали они пригодность кваса для питья. Красноармеец хотел было зачерпнуть его котелком, но Хайрулка удержал за рукав:

— Нельзя. Видишь, плавают волосы из монашеских бород. А кадушка вся заплесневела.

Потом Хайрулка взобрался на колокольню. Днепра не видно; его загораживает Старушечья гора. Деревня Макарово как на ладони. На гумнах, у амбаров, толпятся люди.

В одной из стенок колокольни, как раз той, где висит самый большой колокол, Хайрулка заметил углубление. Просунул руку—книги, старинные рукописи в кожаных переплетах. На одной из них церковно-славянской вязью выведено: «Жалованная грамота». Хайрулка заинтересовался, открыл книгу, стал читать:

«Сады, озера и леса вокруг Старушечьей горы передаются монастырю в полное и вечное владение. Никто не может удить рыбу в озерах без разрешения игумена. Никто не может охотиться в лесах. Крестьяне деревни Макарово обрабатывают монастырю два дня в неделю. Половина доходов с монастырских земель отходит в распоряжение митрополита, четверть—на ремонт и украшение монастыря, четверть—на нужды монахов»...

Хайрулка решил показать этот диковинный документ товари-

щам. Он хотел было уже уйти, когда заметил еще одну тетрадь: «Для записей гостей, посетивших монастырь». Первая запись относилась к 1874 году. За ней следовала целая вереница имен, титулов, званий:

— Киевский купец первой гильдии Артамон Артамонович Хохлаткин...

— Предводитель дворянства...

— Дворянка...

— Архимандрит...

Таких записей не меньше, чем надписей на стенах башни Сумбеки¹.

Последняя запись принадлежит генералу-от-инфантерии Стручинскому, наводившему в прошлом году ужас на всю округу, но пойманному со своим штабом и расстрелянному на вершине горы.

Запись по старой орфографии начинается воспоминанием об императоре, руганью по адресу большевиков, жалобой на народ и кончается так:

«Я, генерал Стручинский, будучи избран самим господом богом умиротворителем России, буду воевать до того момента, пока не сяду на московский престол».

Глаза Хайрулки лукаво заблестели, рука полезла за карандашом. На чистой странице «Записей» рассыпалась цепочка татарских букв:

Стали гостями без игуменского разрешения. Монахи, оказываются, любят тишину. Мы их заперли в церковь. Ключ у меня. История этой тетради кончается здесь. Монастырь надо отдать деревне Макарово под школу. Монахов может забрать Махно. Такой завали нам не надо.

Красноармеец особого батальона сводной бригады
Хайрулла Низамов.

Июль 1920 года.

Перечитав последние три строчки, Хайрулка, задумался: «Чего-то будто не хватает?» Подумав, приписал по-русски:

Монастырь передайте макаровским крестьянам.

Усмехнувшись, положил тетрадь на прежнее место.

Когда Хайрулка спускался с колокольни, последние лучи жаркого июльского солнца повисли на ветвях деревьев и оборвались. Хайрулка вспомнил родную деревню.

¹ В Казани.

Наверное, там сейчас тоже зашло солнце. Наверное, мать поджидает возвращения из стада единственной безрогой козы. А плешивый муэдзин Фахри взобрался на минарет мечети и ждет, когда угаснут последние лучи солнца, чтобы прокричать азан¹.

И кажется Хайрулке, что вместо азана муэдзин крикнет:

— О, люди, погрязшие в грехах! Вот прошел еще один день, и мы на один шаг приблизились к могиле!

И повалятся со слезами на землю все старики и беззубые старухи. Но эти мысли скоро рассеялись. Топот лошадиных копыт спутал их бег. Не успел Хайрулка спросить: «Кто это?» — как к монастырю подлетел, весь в крови, крестьянин из деревни Макарово и, прислонившись к стене, крикнул:

— Братишки! В деревне банда! Скорее запирайтесь!

В монастыре зашевелились. С быстротой молнии заперли ворота, внесли в дом раненого крестьянина, установили на колокольне пулемет, распределили обязанности.

Вскоре за стенами монастыря послышалось ржание лошадей, скрип тачанок, осторожное шарканье ног. Дула винтовок повернулись в сторону этих звуков. Банда, очевидно, решила пробраться к монастырю возможно незаметнее. Звуки стихли, но ясно чувствовалось, что банда здесь, близко, сидит притаившись. Может быть, эта тишина тянулась бы довольно долго, но Хайрулка нарушил ее:

— Кто вы такие? — крикнул он.

— А вы кто?

— Мы — охрана монастыря.

— А мы пришли осмотреть монастырь.

Банда подошла вплотную к воротам. Кто-то толкнул их. Не открываются. По сигналу Хайрулки затрещал пулемет. Началось.

Бандитов более сотни. Красноармейцев восемнадцать. Патронов всего четьреста. Хорошо еще, что монахи под замком. Но и так дела неважные. Если из штаба не придут на помощь...

«Ах, провалиться бы, даже телефона нет».

Каждый выпущенный патрон приближает победу банды. Но этой победы не должно быть.

А если?...

А архив? А секретные дела?

От этих мыслей у командира взвода гудит в висках.

---

¹ Азан — возглас муэдзина, призывающий к молитве.

— Архив надо уничтожить!

Красноармейца-мещеряка, охранявшего архив, поставили на крышу кирпичного сарая. Он бросил в бандитов две бомбы и свалился, подстреленный вражеской пулей.

Архив сожгли. Дым рассеялся по всему двору. Командир взвода подошел к шести резервным красноармейцам, стоявшим у левой стены, и сказал:

— Товарищи! О нашем положении необходимо известить штаб. Иначе мы погибли. Осталось не более полутора патронов. Кто пойдет?

Откликнулись все шестеро.

— Так не годится. Здесь тоже нужны люди. Должен идти только один.

Тогда один из красноармейцев снял ремень.

— Давайте кинем жребий. Чья рука придется на конец ремня, тот и пойдет.

Жребий достался Хайрулке.

Хайрулка должен прорыть ход под стеной, прилегающей к озеру, и изо всей мочи бежать в штаб. У озера никто не ходит. Там топь, камыши. Там можно пробраться, лишь перепрыгивая с кочки на кочку.

Через полчаса Хайрулка исчез из монастыря. Надежда на скорую помощь воодушевила оставшихся красноармейцев. И даже выстрелы стали греметь бодрее.

Наступили сумерки. Хайрулка докладывал комиссару в штабе о положении в монастыре.

Командир бригады начал составлять из оставшихся на пристани красноармейцев хорошо вооруженный отряд. Впереди пошла конница. Хайрулка с ними.

Миновали Старушечью гору. Хайрулка осипшим голосом крикнул:

— Товарищи, приготовьтесь!

— Айда... Даешь!

Вдруг захрапел чей-то конь. В ту же минуту из-за кустов прогремели выстрелы.

— Спешивайтесь!

Красноармейцы спрыгнули с лошадей и, отстреливаясь, поползли вперед.

Пулемет нащупал неприятеля. Бандиты бежали.

Когда показались стены монастыря, у Хайрулки замерло сердце:

— Почему открыты ворота? Кто открыл? Или...

Отряд с криком «ура» врзался в ворота и оцепенел.

На церковной паперти, у походной кухни, у кирпичного сарая лежали изуродованные тела красноармейцев. Кровь стекала по ступенькам и, смешавшись с пылью, превращалась в месиво.

Дверь церкви взломана. Монахов и след простыл.

На голой груди взводного командира острием ножа вырезано: «Коммунист».

Тела убитых товарищей сложили по середине двора, оставили сторожить Хайрулку и умчались в погоню за бандой.

Стемнело. Звуки выстрелов раздавались все глуше и глуше и наконец совсем затихли. Отряд не возвращался. Все погрузилось в тишину. От этой тишины Хайрулку охватила тоска, в голову полезли смутные страхи. Не хотелось верить, что парни, еще сегодня днем шутившие, смеявшиеся, теперь лежат бездыханными... Хайрулке почудилось, что некоторые тела зашевелились, застонали, порываются встать, но не могут. От напряжения перед его глазами завертелись огненные круги.

Хайрулка ослаб. Ему захотелось спать. Он чувствовал себя усталым. Но мешал страх. Ружье выскользнуло из рук.

— Чу!

Перед глазами его замаячили черные тени, похожие на голодных волков, бредущих в осеннюю ночь.

Монахи!

Но когда рука протянулась к винтовке, выпавшей из руки, было уже поздно...

Хайрулка потерял сознание. Монахи колотили его цепями, как сноп, и бросили окровавленного в хлев под ноги телятам.

Бежит ночь. Бежит июльская ночь, полная скрежета, стонов, хищного воя, конского храпа, стенанья деревень, дребезжания тачанок, бесконечной песни смертоносных орудий... Бежит, чтобы кануть в вечность.

В полночь стал Хайрулка приходить в чувство. Слух уловил знакомые звуки. Хотел крикнуть. Нет голоса. А теленок слизывает теплым шершавым языком струйку запекшейся на виске крови.

К горлу Хайрулки подступил комок. Захотелось обнять теленка и выплакаться. Но глаза сухи... Источник слез высох еще в детстве...

На рассвете Хайрулка очнулся, мокрый от пота. Дышалось легче. Перед глазами носились какие-то виденья. За бегом мыслей трудно угнаться—они летят с быстротой молнии.

«Эх, Приднепровье! С вершины какой горы ни посмотри— всюду стелются пшеничные поля. Годится ли кашлять кровью, когда воздух напоен запахом дынь, арбузов, когда качаются подсолнухи, величиной с широкополую шляпу монахов. Уж если кашлять, то кашлять так, чтобы никто не заметил. Кому нужен кусок слизи, который выплюнул ты на землю, и кому нужны твои стоны? А слезы ослабляют силу. И какой же ты борец, если не можешь приказать: «Не надо слез! Не надо стонов!»

На следующее утро Хайрулка выполз на двор. Открывая дверь хлева, он спокойно решил: «убьют—так убьют», но когда глаза не увидели убитых товарищей, захлестнуло дыханье. Перед глазами поплыл туман. Сквозь водоворот зеленых, красных, оранжевых кругов почувствовалось чье-то приближение. Где-то совсем близко мелькнул белый халат. Не Лида ли это? Неужели сюда прибыл санитарный отряд бригады? Но перед глазами снова завертелись круги, и Хайрулка без чувств упал на руки подбежавшей Лиды.

Хайрулку положили на носилки и отнесли в санитарный пункт, расположенный в большом каменном доме.

Он все еще не приходил в чувство... Но сердце бьется. Тело горит.

— Тщательно перевяжите раны и отправьте в городской госпиталь. Он должен поправиться,—сказал врач.

— Он должен поправиться,—повторила Лида.

КРЮЧНИКИ

Солнце поднялось уже довольно высоко, но качиевцы¹ продолжали лежать у пароходного лабаза, положив под голову седлообразные подушки². Только один Галиулла-абзы изредка поднимался на крышу пристани и высматривал приближение парохода.

— Ежели б знали, что парохода не будет, лучше бы пошли соль грузить,—сквозь зубы процедил Фатхи, старательно скручивая толстыми, заскорузлыми пальцами «козью ножку».

— Пробовали,—отозвался долгоязыый Валий,—позавчера целую баржу соли разгрузили. Все плечи разбередили, а что толку?

— На еду хватило, вот и толк. Тебя насытить не мало надо,—ответил Фатхи.

— Здоров, вот и ем,—отрезал Валий и отошел, глядя свысока на собеседника.

Крестьяне русской деревни Карамзино и татарской—Качи считаются по всей Волге известными крючниками. Агенты пароходства, владельцы барж стараются всегда нанимать только их. Вошло в обычай, что они получают плату больше, чем другие артели.

— Я с карамзинцами и качиевцами работал,—хващаются крючники.

Сегодня предстояло работать все тем же качиевцам. Они злились на опоздание парохода и потому были готовы сцепиться из-за любого пустяка. Крючники долго не ругаются,—перекинутся несколькими фразами и переходят на кулаки. Видя,

¹ Качиевцы — крестьяне деревни Качи.

² Подушки — при переноске тяжестей крючники надевают их на спину, и они служат основанием для груза.

что Фатхи и Валий начали пререкаться, остальные, очевидно, желая подлить масла в огонь, стали сыпать замечания.

— Что ж из того? Валий свое ест,—заметил один.

Другой, лежа на спине, прибавил:

— У Фатхи известная манера: чуть что—живо зубы оскалит.

— Ну и пускай скалит! Валий недорого возьмет укротить их.

— Ха, Фатхи не из глины сделан!

— Еще не выросли такие зубы, которые были бы по рукам Валия,—отозвался Фатхи, видя сторонников.

Может быть, перебранка продолжалась бы довольно долго, но тут вмешался Галиулла-абзы:

— В наше время долго языками не трепали. Бывало, поругаются и тут же подерутся. Кто победит, тот и прав.

— Верно!

— Правильно!—послышалось со всех сторон.

Глаза Фатхи заблестели. А Валий невозмутимо стоял среди крючников, будто желая показать свое бесстрашие и хладнокровие.

— Ну, Валий, парохода не видать. Похоже, озяб ты. Не согреться ли?—подошел Галиулла-абзы к Валию.

— За мной дело не станет,—не задумываясь, ответил Валий.

— Валяй, Фатхи, потягайся!—подзадоривали слушатели.

Фатхи затаился махоркой и только после этого ответил:

— Уже больно он долговяз, Галиулла-абзы! Боюсь, до плевательницы не достану.

— А ты подпрыгни!

— Не торгуйтесь! Кончайте дело до прибытия парохода.

— Ладно,—отрезал Фатхи.

Он ту же подтянул кушак, передал подушку товарищам, надел кожаные рукавицы, похлопал руками и встал в круг. Валий изрядно струхнул, но, не подавая виду, бросил подушку, перевязал лапти, надел рукавицы и встал против неприятеля.

Вся артель окружила Валия и Фатхи. Крючники любили подобные зрелища и теперь стояли, полные ожидания, с кулаками наготове.

Борцы были готовы к бою. Долговязый, ширококостный Валий, с одним плечом выше другого, прозванный «королем костей», был известен своей силой. Он носил самые большие тяжести, в день мог выполнить работу, которая была под силу только двоим, и потому часто зарабатывал денег больше, чем остальные. Выносливость могучих плеч искупала некоторую слабость его ног.

Фатхи был совершенно иного типа. Среднего роста, широкоплечий, с руками, достигающими колен, с такой короткой шеей, что трудно было определить, где она кончается, где начинаются плечи, он отчетливо сознавал свою силу, ступал медлительно, никогда ни в чем не проявлял поспешности. Крючником он был лет пять-шесть и за все время ни разу не уронил с плеч груза. Если он поднимал груз на плечи, то уж оттуда его никак нельзя было стащить. Он не знал, что такое дрожь в ногах, не имел привычки пользоваться крюком, а обхватывал вещь цепкими руками и, не покачнув, не шелохнув, нес, куда надо. В драке проявлял изумительную ловкость, никому не давал схватить себя за шиворот или за рукав, стоял на одном месте, как приколотенный гвоздями, не знал, что такое падение.

Зрителям надоело наблюдать неподвижность борцов. Раздались крики:

— Брось папиросу, чувашин!

— Начинайте! Чего прихорашиваетесь, будто девушки?—заметил Галиулла-абзы.

— Не торопись, Галиулла-абзы!

— Ну-ка, Фатхи, съезди раз. Дальше сама пойдет!

Фатхи еще раз похлопал рукавицами, потом выставил левую руку вперед, а правой ударил по плечу Валия.

Валий поспешно вскинул свои костлявые руки и нанес противнику сильный удар. Фатхи стоял, не шелохнувшись, как пень, продолжая сыпать удары. Валий не обладал терпением. Он не стал выжидать удобного момента, чтобы ударить с расчетом, а колотил часто, куда попало, встречая точно рассчитанный ответ.

Минуты две противники молча, яростно наносили друг другу частые удары. Это было настоящее бесхитростное побоище. Удары наносились куда попало, только характер ударов у обоих был разный. Валий бил грубо, метя в ребра, плечи, затылок; Фатхи подсказывал, норовил попасть в лицо, устремив все свое внимание не на удары, а на защиту себя от тяжелых, беспощадных костлявых рук противника, стараясь держать голову на безопасном от них расстоянии.

Первый пыл прошел. Противники не могли бы сказать, кто оказался победителем. Фатхи хотел бы немножко передохнуть, но Валий продолжал горячиться и размахивать руками. Фатхи намеренно не отпарировал удары, получая таким образом возможность передышки, и уже с новой силой повторил свой прежний прием—выставил левую руку вперед, а правой нанес удар.

Валий заметно устал, а Фатхи подскакивал, как тигр, и наотмашь, обеими руками стал бить его по лицу.

Зрители кряхтели от удовольствия.

Валий с озверевшим видом, размахнувшись, полез на врага, но Фатхи ловко, как хищник, увернулся и тут же, подпрыгнув, с силой хлопнул его по плечу. Валий покачулся, но все же удержался на ногах и снова взмахнул длинными руками. Фатхи, раскусив повадку Валия, бросился на хитрость: внимательно подкарауливая удобный момент, он нанес ему сокрушительный удар. Валий сделал несколько шагов назад и свалился на землю. У него кружилась голова, глаза застилал туман. Встать не хватало сил.

Зрители неистовыми криками выражали свой восторг. Бесчувственного Валия оттащили в сторону и, окружив Фатхи, стали шумно высказывать свое одобрение.

— Фатхи тяжел на подъем, но руки у него легко бегают,— тоном знатока заявил Галиулла-абзы.

Парохода все еще не видно. Крючники, как ни в чем не бывало, расселись у лабаза. Только один Галиулла-абзы не может успокоиться, комментируя схватку, и пускается в рассказ о давно минувших днях.

— Это что! Это так себе—забава от скуки. В наше время одна артель против другой была. Вот была картина!

— Это вы с жиру бесились!—подзадоривает кто-то старика.

Галиулла-абзы удобно уселся на кольцо смотанного каната и погрузился в воспоминания:

— Вот я вам расскажу один случай. Был конец осени. Большинство пароходов ушло в затон. У Бакалды стояли две баржи с солью, одна с углем и два баркаса Горбатова со стеклом. Пароходы торопятся уйти в затон. Рабочих нет. Артели крючников разошлись. Из карамзинцев никого не осталось. На всю Бакалду остались только шалиевцы и качиевцы. В тот год качиевцы, как на подбор, были рослые, здоровые. Настоящие крючники—днем работают, ночью пьют да песни поют, а утром снова за работу принимаются. Баржи нужно было разгрузить в два-три дня. Шалиевцы только что разгрузили две баржи Любимова. Устали, к тому же ночью прогуляли—на долю каждого пришлось два полуштофа. Головы болят, на работу выйти не могут. А тут соль нужно разгрузить. Мы тоже уперлись. Требуем шестерку с тысячи и два полуштофа на рыло в придачу. Вертелись они так и этак, согласились. Было нас не больше двадцати пяти человек, все же в два дня управились с баржей.

Зато натерли спины в кровь, ноги горели, как в огне. Пропустили посудинку—полегчало. Остался только уголь и стекло. Очухались шалиевцы. Завидуют нашему заработку. Потребовали за разгрузку стекла семь целковых, а за уголь хотели не меньше восьми. Пока они торговались, мы все сделали. Покойный Закир-абыз ловкач был. Он условился перетаскать стекло по шесть рублей. Дураки шалиевцы стекло в одну цену с солью поставили. Ведь каждый крючник знает, что если соль за шесть разгружать, то за стекло красная цена—четыре. Так шалиевцы и остались ни с чем. Обиделись на нас: дескать, цену сбиваете. А потом напугались, что и уголь им не достанется, и согласились разгружать за шесть рублей.

Решили мы назавтра приступить к работе. Шалиевцы, пьяные, собрались около нашей харчевни, ругаются: «Наш кусок хлеба отняли! Так вас, раз-эдак! Качиевцы, они заграбастые. Им много надо. Они сами голодные ходят, зато у них жены жируют». Ну, наши тоже не выдержали: «Чего, говорят, вы, шалиевцы, хомут на шею надели? У вас ведь есть легкое ремесло—пойдите в чепчугинский лес и раздевайте путников. Шалиевцы ведь они известные вору».

Слово за слово, поднялась ругань. Один из наших крикнул: «Смазывай пятки, пока не отдули!» А они только этого и ждали. Их артель большая, человек в сорок. Нас тоже немало. Один из шалиевцев, который погорячее, бросился на нас, а у нас один парень был, неповоротливый такой, вроде Фатхи, поднял полено, которое лежало у дверей, и пристукнул его. Шалиевцы всей гурьбой двинулись на нашу харчевню. Началась драка. Мы тоже были навеселе. Подхватили—кто полено, кто крюк и вышли на открытое место. Закипел бой. Стали мы крошить шалиевцев и руками, и ногами, и чем попало. Гнали их до керосиновых баков. Дрались часа три. Много голов прошибли, ребра посчитали. На этом дело не кончилось. Несколько лет после, как встречались шалиевцы, так вступали в драку. Интересное было тогда время—плечи были здоровые, и еды много, работы вдосталь! А теперь что? Теперь от одной драки раскисают!»

Крючники поднялись, надели подушки и стали спускаться к пристани.

Валий шел сзади. Поровнявшись с Фатхи, он дружески, желая доказать, что не сердится, сказал:

— Крепко ударил, брат!.. Голова трещит. Давай закурим.

— Да, удачно я тебя ударил,—с довольной усмешкой ответил Фатхи.

— Хорошо еще, не в кровы!

— Заплата дармовая!

Фатхи и Валий помирились.

— Домой охота,—вздыхнул Фатхи.—Уж три месяца, как не был. Хлеб убирать некому. Денег тоже послать не удастся. Как-то управились?

— Хлеб уберут. Вот как бы Хадичу не убрали. Не этого ли боишься?—заметил Валий.

— Пускай убирают. Хадич много найдется,—возможно спокойнее ответил Фатхи.

Но Валий отнесся к разговору совершенно серьезно.

— Нет, правда, айда сегодня вечером, уйдем. Мне и самому хочется в деревню.

— А долги как?

— Вернемся, отработаем.

— Галиулла-абзы не пустит.

— А мы удерем.

— Это можно,—задумчиво согласился Фатхи.

Тем временем пароход причалил к пристани...

На пристань вошел рыжебородый мужчина с пачкой разноцветных бумажек в руке.

Крючники его обступили. Их интересовало—сколько тысяч пудов груза доставил пароход? Сколько разгрузки? Галиулла переговорил с рыжебородым и крикнул:

— Четыре тысячи муки, четыре тысячи рыбы и две тысячи соли!

Крючники воспрянули.

— Годится! «Мономах» всегда хлеб дает!

Галиулла-абзы, помолодевший, стал распоряжаться:

— Братишки, тащи подушки! Пароход стоит два часа! Потопрапливайся!

Крючники, выстроившись цепью, потянулись по сходням. Дорога для пассажиров окончательно закрылась, но на их возмущенные возгласы никто не обращал внимания.

— Сначала бочки с рыбой из люка тащите, потом за муку примемся,—распорядился Галиулла-абзы.

— Оставьте подушки!

Закипела работа. Четверо крючников, захватив длинный аркан, спустились в темный, глубокий, как колодец, люк. Восьмеро, по четыре с каждой стороны, встали у входа в люк и под крики: «Сама пойдет! Сама пойдет!» стали одну за другой вы-

таскивать пятнадцатипудовые бочки. Двое качиевцев откатывали их на берег. Крючники разгорячились, и не бросали работу даже для курения.

В течение часа под «Дубинушку» выкатили на берег двести пятнадцать бочек. Все вспотели, устали.

— Ну, ребяташки, выкурим по одной, а потом за муку примемся. Час времени остался,—скомандовал Галиулла-абзы.

— Не беспокойся, Галиулла-абзы, живо справимся.

— К спеху—так по два мешка зараз будем выносить. Нам это нипочем.

— Только б лапти выдержали!

— А не выдержат—так божьи лапти есть!

— По два мешка живо управимся.

Среди груза имелось несколько больших ящиков с частями машин.

Крючники подошли к ящикам, потрогали, попробовали сдвинуть.

— Да! Тяжелы!—заметил кто-то.

— Ребята, я эти ящики поднять не могу. Со вчерашнего дня поясница болит,—сознался Галиулла-абзы.

— Ну, если он не может, значит, и я не могу,—со злобой заметил Карим.—У меня и от муки коленки дрожат не хуже, чем руки у шайтана.

Отступило еще несколько крючников.

— А Фатхи поднимет. Фатхи может. У него и плечи здоровые и поясница,—стал подзадоривать Фатхи Галиулла-абзы.

Фатхи не желал терять свое достоинство и важно ответил:

— Если артель поставит полуштоф, вынесу!

— Ладно, ладно, за этим дело не станет,—заметил Галиулла-абзы.

Четверо крючников снова затагнули «Дубинушку» и осторожно взвалили огромный ящик на спину. Фатхи покачнулся, жилы на шее вспухли. Он расставил локти и медленно, мелко шагая, пошел по сходам.

Доски сходен, соединявших пристань с пароходом, разошлись под ногами. В щелях нередко застревали лапти. Поэтому крючники всегда проходили по ним с большой осторожностью.

Фатхи был опытным крючником, ему не раз приходилось тащить на спине шестнадцатипудовый груз, и теперь, уверенный в себе, он шел спокойно.

У крючников был обычай при переноске больших тяжестей сменяться на полпути.

Фахти, внимательно ступая, прошел сходни. И так как для смены не было подходящего человека, он двинулся дальше.

Все мысли Фахти были заняты деревней, и он не чувствовал давящего гнета шестнадцатипудовой тяжести. Вдруг ему показалось, что на берегу вздыбилась лошадь. Он поднял глаза и в ту же минуту споткнулся о большой камень. Груз на его спине покачнулся. Фатхи собрал все силы и сумел сохранить равновесие, но тут же споткнулся вторично. На этот раз он не смог справиться с ослабевшими вдруг ногами, разомкнул руки, хотел сбросить с плеч ящик, но ящик лежал плотно и не упал. Ноги у Фатхи подкосились, и он ничком упал на землю. Острый угол ящика вдавился в его висок.

Торопливо подбежали товарищи, осторожно сняли ящик, но было уже поздно.

Фатхи лежал с прикушенным языком, вылезшими из орбит глазами, жутко блестевшими на окровавленном лице.

— Готов парень!—ахнул Галиулла-абзы.

— Судьбу не объедешь,—сказал кто-то.

Подбежал Валий:

— Несчастный, сегодня собирался в деревню итти к своей Хадиче.

Подроспела полиция и принялась разгонять толпу. Из лабаза принесли брезент, положили на него тело Фатхи и понесли в харчевню. Оставлять груз на дороге не полагалось. Поэтому связали две подушки и положили ящик на плечи двух крючников.

— Ребятушки, пароход два свистка дал, кончайте дело,—торопил Галиулла-абзы качиевцев.

ЛЕТНИЙ ВЕТЕР

Рассказ

Если подует зимний ветер, мельница крутится без передышки. А летний ветер не таков. Он то дует, то утихает, а то совсем замирает. К тому же вертится во все стороны—то с севера подует, то с юга, то нивесть откуда. А хитрый-то! Глядишь,—утихнет, мурлычит, как кот, и вдруг, здорово живешь,—подымается настоящая пурга. Если мельник неповоротливый, глазом не успеет моргнуть, как снесет тюбетейку с головы.

Салахи-абзы—ловкий мельник.

Он отлично знает повадки ветра. «Я,—говорит он,—по крику птиц, по полету туч, по скрипу мельничных крыльев отгадываю капризы ветра. Мельница,—говорит он,—свой язык имеет». О Салахи-абзы разговора быть не может. Он и повадки ветра знает, и жернов поставить может. Говорят, трудно настроить скрипку, но наточить жернов куда мудренее. Ведь если жернов в каком-нибудь месте прилажен неровно хоть на полмиллиметра, тот жернов уже не жернов. А если Салахи-абзы возьмется за дело,—жернов пригонит ровнехонько, и мука на зубах не хрустит.

Приезжал как-то мастер Иван с водяной мельницы, удивился:

— Где ты научился так зубить жернов? Не пропадай здесь, переходи к нам, на водяную мельницу.

Но Салахи не ушел. Видно, суждено было ему набить мошну Камалия. А теперь, когда мельница перешла в распоряжение комитета взаимопомощи, он и подавно решил ее не бросать.

Как только заходит разговор о гарницевом сборе, прищурит Салахи глаза и говорит:

— Когда Камали был хозяином, он больше брал, и тогда вы не шумели. А теперь, когда наша мельница, советская, ворчите. Или вы думаете—я тут на старости лет для себя хлопочу?!

Летний ветер так и остается летним ветром. Он не изменяется от того, что мельник хорош. Ветер дует, как ему захочется. Народ с этим не считается,—знай, подвозит зерно, तो-ропится новину заготовить. Очередь еще до вчерашних и позавчерашних не дошла, а уж подвезли целую гору. Вон Мустафа в надвинутом на брови картузе свалил два мешка. Вон даже Ахмедша, всегда привозивший хлеб на мельницу на маленькой ручной тележке, нынче прикатил на лошади, подвез целый мешок. Вон... Да всех не перечесать.

Народа много, и хлеба много. А ветер шалит, рвется, как капризный ребенок, то туда, то сюда. Глядишь—пошла мельница, завертелась, вдруг—стоп, затихла, как мечеть. Что будешь делать с ветром, да еще летним? Не оттреплешь же за уши. Пробуют к нему и так и этак приладиться, а он и в ус не дует.

Обычно ветер не в почете, а на мельнице он—всё, прямо с сердцем связан. Сердце бьется заодно со стуком жернова, с шелестом насыпанного зерна. И как только подымается ветер, все толпятся у ковшов, все ждут своей очереди. А тем временем ветер, не сказавши никому ни слова, не предупредив, утихает. Настроение ожидающих падает. Им остается одно—сесть на мешки и завести длинный разговор.

Сегодня летний ветер так же капризен.

И сегодня, повертевшись возле жернова, вернулись к мешкам. Начался разговор. Разговор был так же разнообразен, как разнообразны десятки заплат на мешках с зерном.

— Или на водяную мельницу поехать,—а?

— Семена-то обмолотил?

— С водяной мельницы Гиниат приехал, говорит—по трое суток очереди ждут. С нагорной стороны тьма народа понаехало.

— Семена заготовил. Только землю еще не всю сборонил.

— Кто едет? Айда, «немец»!

— В прошлом году, когда ездил я в Казань, своими глазами видел четырехпоставную мельницу. Без перерыва работает, знай себе постукивает—тут-тук. За десять верст слышно. Соседние деревни оттуда электричество берут. Вот если бы совет и нам такую построил.

— Значит, это не паровая, а электрическая.

— Пар ведь делает электричество.

— Нет, вода.

— Ахмеджан, почему у тебя лошадь хромает?

— Рахим-абзы всегда так: сам не знает, а в спор лезет.

— А что, паровая только для совета работает?

— Нет, для кого хошь. Успевай подсыпять.

— Беда, братцы. Жена палец серпом отгяпала. Весь кончик с ногтем; еле-еле держится.

— Если бы ветер был хорош,—раздается ленивый голос «немца» Сайфуллы,—так немцы бы с ним дело имели... Три года с лишним пробыл я в плену, а ни одной ветряной мельницы не видел.

Сайфулла-агай¹ прожил в плену три года. За это время один раз было обласкано его сердце. Ведь и у Сайфуллы есть сердце. В молодости и он пел:

Через нашу улицу
Протекает ручеек.
То не реченька шумит —
Сердце молодца горит.

Сердце, горевшее в молодости, не скоро остывает и под старость. Видно, сердце Сайфуллы-агая все еще не потухло. Стоит ему вспомнить о немцах, как он заговорит о яблонях, растущих по бокам дороги, о невиданных машинах, а потом чуть заметно усмехнется и расскажет:

— Отдали меня в работники к старику-немцу. Было ему лет шестьдесят, а ни усов, ни бороды нет. Они, немцы, любят ходить бритые. Поэтому-то у них и вырабатывают отличные бритвы. Была у этого немца дочь, вдова, Луизой звали. Высокая такая, светловолосая. Ходила всегда чистая, будто кукла. Немцы, юни грязь не любят. Если я иногда садился за стол, не умывшись, гнали меня. Жил я, жил и стал примечать, что заглядывается на меня Луиза. Стала ласковые слова говорить. Встретит утром, скажет «гутен морген». Это значит—доброе утро. Вечером—опять «добрый вечер». Как-то улучила свободную минуту, подошла ко мне, хлопнула по плечу и говорит: «Эх, русиш». Это значит—я тебя люблю. Что делать? Как быть? И жена вспоминается, и сын... И Луиза за сердце схватила. Дня через два опять она таким же манером подходит ко мне. А я и глаз не подымаю, боюсь, как бы не очуметь. Жил я тогда хорошо, ел сытно. Задумался. Стало чудиться, что хотят они сманить меня в свою веру, сделать немцем. Испугался, стал по ночам молитвы шептать, хоть и позабыл почти все и путал их. С одной стороны, страх гложет, с другой—сердце горит. Кручусь я, как береста

---

¹ Агай — дядя.

в огне. Наконец, не выдержал, убежал и нанялся к другому... Ну, не дурак ли я был? Эх, если бы тогда да теперешний ум! Что ни говорите, братцы, а коммунисты ума нам полной мерой отмерили. Теперь бы сумел я по-настоящему оценить религиозный думан. Все равно «немцем» прозвали, а сын умер.

На этом рассказ оборвался.

Сайфулла-агай рассказывал об этом кусочке своей жизни с каким-то особенным чувством, а слушателям было интересно видеть волнение всегда спокойного, медлительного «немца», и потому никто не отказывался от удовольствия лишний раз послушать повесть Сайфуллы. Вот и сегодня, как только зашел разговор о немцах, кто-то сказал:

— Ну-ка, расскажи о своей немке.

Но Сайфулле то ли не понравилась небрежная поспешность, с какой напомнили ему о Луизе, то ли вообще он был не в духе, но только махнул рукой и коротко отрезал:

— Нечего об этом разговаривать. Уж стары стали. Лучше о машине потолкуйте.

Летний день.

После полудня ветер подул ровнее. Может, к вечеру совсем остепенится. Может, не понапрасну кудрявится придорожная пыль. Народ, полный надежды, потянулся к мельнице. Никто не слушал Салахи-абзы, советовавшего не полагаться на летний ветер.

То-и-дело мелькали новые лица. Вон прошла Гайнелъхаят. Настоящая козырь-баба. До самых бровей надвинула шапку покойного мужа, до колен подоткнула платье—близко не подходи. Не успела подкатить ручную тележку к дверям мельницы, как набросилась на мужиков:

— Что глаза пялите, мужики? Лучше помогите вытащить мешок.

— Зря мучаешься. На лошади бы подвезли,—первым отозвался Салахи.

Гайнелъхаят, не слушая его, вошла внутрь мельницы.

Ветер дул довольно ровно. На счастье Гайнелъхаят, зерно, засыпанное в ковш, приходило к концу. Рядом лежал еще один мешок. Летний ветер дул не спеша. Чем медленнее дует ветер, тем сильнее накаляется настроение ожидающих. Вот и сегодня так же. Переругались трое из-за очереди.

Скорее собака проживет без кости, чем Мустафа, по прозвищу «Волк»,—без злобы.

Уставившись злыми глазами на Гайнельхаят, он крикнул:

— Иль без очереди обмолотить хочешь?

— А тебе какое дело?

— Ты из какой деревни? Кто твои родители?

— Кто бы ни были,—не такие разбойники, как ты. Лучше помалкивай.

«Волк» есть волк. Сверкнул глазами, заорал:

— Пойди протри зенки. Если спросят, скажи, я велел,—и с силой отцепил руки Гайнельхаят от ковша.

Тут уж вспыхнула и Гайнельхаят:

— Мой муж убит на войне за советы, а ты тогда дезертиром был, прятался. Поедешь в Казань, получишь обмундирование и смажешь пятки. Одних шинелей штук двадцать привез да продал. Думаешь, не знаю? Все знаю.

— Эй, заплачешь!

— Не заплачу. Или думаешь, своими глазницами меня спалишь? Запугать хочешь, как запугал всю деревню. Нет, шалишь! Хватит! Это вы, вы добрались до Гарифа-абзы. Уехал в лес за дровами и сгинул. Ваших рук это дело. Постой. Все раскроется. Не любишь, когда правду говорят. Ну, убей меня.

— Эй, заплачешь!

— Не страдай: все равно не запутаешь. Думаешь, я ничего не знаю? Погоди, попадешься.

Ветер дует равномерно, без скачков. Если и дальше будет так дуть, слова против него не скажешь. Жернов вертится без передышки. Салахи-абзы доволен. Не нужно ему то поднимать, то опускать камень. Довольны и ожидающие. С каждым взмахом огромных крыльев приближается их черед. Около весело крутящегося жернова хозяйничает Гайнельхаят в надвинутой на самые брови шапке. К ковшу подошел Валий, боявшийся пропустить свою очередь.

— Ты чего, слепой чорт, забрался сюда?—накинулась на него Гайнельхаят.—Или за этого разбойника заступиться хочешь? Съел вместе с ним страховые за прирезанную корову и ерепенишься. Наши мужья за советы головы сложили, а ты себе нарочно глаз испортил. Я все знаю. От меня ничего не утаишь. Все вы, как чирии, сидите на спине советов.

За Валием очередь «немца». Он медленно, вразвалку, подошел к спорившим, очевидно, надеясь, что пожилой возраст оградит его от резких нападков Гайнельхаят.

— Сноха, очередь-то наша,—заговорил он.

Но Гайнельхаят оборвала:

— Ты не их защищай, а нас, многодетных, неимущих.
— Не шуми, сноха. Ведь и мы нужду достаточно терпели.
— Как же не шуметь? Заели вы всех.
— Не говори глупостей, сноха.
— Эй, старый, и не стыдно тебе? Разбойника, небось, угощал, ублажал, как самого дорогого гостя. Таких, как вы, помелом гнать надо.

«Немцу», Сайфулле, Валию и даже Мустафе стало невтерпех. Боясь, что слова Гайнелъхаят могут быть услышаны остальными, Сайфулла только махнул рукой и сошел вниз.

Много видел на своем веку мельник Салахи, слышал сотни эсор из-за очереди. При желании он все мог уладить. Вот и сегодня выступил он. Недаром знал Салахи, что мягкое слово одинаково скоро проникает в сердце мужчины и женщины.

— Язычок у тебя больно остер, Гайнелъхаят,—заговорил мельник.—Ты бы его мне дала—стал бы я им жернов точить.

— Хотя ты не серди меня, Салахи-абзы.

— Ловко ты сказала, ловко. Этому народу так и надо. Они ведь с бабами только заигрывать умеют, а как помочь—не жди... Совет велит женщине дорогу давать,—обратился он к мужикам.—Иль пропустим ее без очереди, а?

Зерно Гайнелъхаят, шурша, посыпалось в ковш.

Ветер дует без передышки. Крылья мельницы вертятся, будто хотят догнать друг друга. Умеет ветер дуть как следует, умеет и Гайнелъхаят понять ласковое слово.

— Так-таки замуж и не выходишь ты, Гайнелъхаят?—мягко спрашивает Салахи.

— За этих-то замуж выйти? Их мужьями назвать? Да какая от этого корысть?

— Верно, за комиссара метишь?

— Не выйду, ни за кого не выйду. Всех только подразню, жен от ревности с ума сведу.

— Вздуют тебя бабы.

— Не вздуют. Я, Салахи-абзы, если захочу, всех перессорю. Пусть со злости лопаются.

— Собираюсь я, Гайнелъхаят, сватом к тебе притти.

— Мне, Салахи-абзы, сватов не надо. Пусть вот только дети подрастут, я сама найду молодца по вкусу.

Если подует зимний ветер, мельница крутится без передышки.

А летний ветер хоть и дует равномерно, но не надолго. Видно, знал он нужду Гайнелъхаят: дул, пока не обмолотила она весь

свой хлеб, и сразу утих... Вышел Салахи-абзы, посмотрел на жестяного петуха, прибитого к самой макушке мельницы, чтобы узнать, откуда дует ветер, а петух даже хвостом не шелохнет.

Как только утихает ветер, быстрее начинают работать языки. Загорелась беседа и на этот раз. Больше всего слов было о Гайнелхаят.

— Ну и отчаянная же баба!

— Зря без дела болтается.

— Нужно ее председателем сделать.

— Тогда пойдешь к ней на поклон. Гайнелхаят-абстай, мол, приложи, пожалуйста, печать.

— Она прежде каждую букву проверит, а потом печать прихлопнет.

— А я вот что думаю, братцы,—вмешался кто-то, оглядываясь по сторонам.—Она, пожалуй, Мустафу в бараний рог согнет. Как бы сам не услышал... Гайнелхаят—баба смелая, разом подтянет.

— Ловко срезала она Мустафу. Как бы он ей не отомстил.

— «Немец»-то, видно, удрал,—вставил другой.

— А что?

— Она ему всыпала—лучше не надо.

— Больше всех Волку досталось.

— Ты, видно, не ухом слушал,—усмехнулся Салахи-абзы, обтесывая топор.—Как только вспомнила она «немцу», что он матроса угощал, так тот мигом смылся.

— А на что намекала?

— Было дело. Дураки... Право, дураки. Всю деревню ославили. Неужто никто из вас ничего не слышал?

Все насторожили уши. Но Салахи-абзы не торопился. Он повертел в руке кусок дерева и заметил:

— Просил Шарапи сделать топорнице, а принес вязовый чурбак. Вот глупец. Не нашел лучше. Тьфу!

И только после того, как обругал соседа, приступил к рассказу:

— Всякая глупость от бабушки Джиганши исходит. На жнитве пришла к ним какая-то старуха, худая, горбатая. Выпила она чаю, помолилась богу и говорит: «Нет ли у вас в деревне неродящих баб? Оповестите—есть у меня всякие снадобья, знаю я тайные заклинания, от которых понесет любая молодка». Дураки! Истинные дураки. Поверили, никто не задумался. Тут же всех баб оповестили. Недаром говорят: дураков не сеют, не жнут—они сами родятся. Ну вот... Стали бабы охоло

старухи шнырять. Пришла жена Минуллы, Сираджия, пришла и баба «немца». Старуха и говорит им: «Я лечу по ночам в жарко натопленной бане. Истопите хорошенько баню, и буду я каждую из вас лечить по одной ночи». Те согласились. Мало того, чуть не подрались, кому первой итти. Одна кричит: «Я вперед», другая кричит: «Я вперед». Беда! Спорили, спорили,—уговорились. Старуха порешила первой лечить жену «немца». Ну, вылечила. В баню в полночь вошли, а вышли на рассвете. На следующую ночь пошла жена Минуллы, на третью—Сираджия. Недорого брала старуха за лечение—всего-то по пяти пудов ржи с человека. Днем старуха никому на глаза не показывалась, от всех воротилась, говорила, что святого рода она. Когда уходила, строго-настроено приказала мужьям этих женщин, чтобы они их три дня никуда не выпускали и сами близко к ним не подходили. Те, вестимо, послушались, сделали в точности, как велела божья старуха.

— Значит, мужья знали?

— Знали, понятно, знали. Жены по согласию с ними лечились. Около бани мужья караулили. Старуха сама велела, чтобы не помешал кто, или нечисть какая не испугала. Дураки-то караулили... Через недельку после этого поругался Волк—Мустафа с Минуллой. Волк, он любит вцепиться в каждого встречного. Ну, поругались, слово за слово, Волк и выпалил: «Тебя,—говорит,—убить мало. Зачем, говорит, жену с незнакомым мужчиной в баню водил? Меня бы, говорит, позвал. Я бы, говорит, больше трех пудов не взял»... Что же ты думаешь? Оказалось, старухой переоделся товарищ Волк, парень из дальней деревни. Настоящий разбойник. Известно—два сапога пара.

— Вслась, значит, помылся с нашими бабами.

— Я думаю. Чего же, дураков на разум наставил. Теперь мужья целыми днями грызутся. А что толку-то?

— То-то «немец» был сегодня такой неразговорчивый, даже о Луизе ни слова не сказал.

— Где уж сказать. Молчать приходится, коли рыло в пуху. «Немца» чуть не избили. Вот дураки. Сперва из-за очереди дрались, а теперь его поедом едят—почему не сказал, что за старуха была? А Минулла совсем взбесился—до полусмерти исколотил жену. Говорят, вся в синяках ходит. А она чем виновата? Вместе советовались, утайки не было.

Салахи-абы умолк, внимательно осмотрел выстроганное топище и недовольно проворчал:

— Разве из вяза можно сделать хорошее топориче? Тоже, не нашел дерева получше.

Слушатели хохотали.

Дальше беседа не клеилась. Оставалось только разойтись.

— Салахи-абзы, как по-твоему? будет сегодня ветер или нет?—спросил кто-то.

Салахи-абзы, прищутив глаза, посмотрел на небо.

— Нет. Видишь, какие облака. Не будет ветра,—отозвался он и направился к мельнице.

Летний ветер переменчивый. Раньше дул как следует, а теперь ни один листок не шелохнется.

ТЕНДЕР

(Из романа «Мост»)

— Чтобы тендер стоял, как тень, перед моими глазами! Нет, не шути! Двадцать пять лет работаю, а этого не было. Не шути, не шути! Не любил я таких дел и не буду любить. Нет, нет! Не навязывайте тендер... Эх вы, преступники!

Врачи старались успокоить Парамона Никаноровича, но он продолжал твердить свое:

— На моем разъезде три пути. Тупика нет ни одного. И вдруг чтобы тендер занял один из путей?! Нет, я не настолько глуп...

После медицинского осмотра Парамона Никаноровича поместили в отдельную палату и назначили особую сестру. Некоторое время он лежал спокойно, но к вечеру заметался, стал гореть, как в огне, начал бредить. Перед его глазами во все стороны мчались поезда, паровозы. Вот место его службы — разъезд Корса. Вот с обеих сторон разъезда идут поезда. Семафоры закрыты. Он замер у телефона.

Который поезд пропустить раньше? Выглянул в окно и видит — на каждом из трех путей стоит тендер серии «Щ» № 144.

Парамон Никанорович, как сумасшедший, зазвонил в телефон. Решил отколотить заснувшего на посту стрелочника. Выглянул в окно вторично, увидел, что оба поезда въехали на разъезд при закрытых семафорах и столкнулись. Перед глазами Парамона Никаноровича заплескала цифра 144. Вдруг весь поезд превратился в тендер. Большие, маленькие тендеры заполнили все пути, а те, которым не хватило места, подкатили к конторе, громоздясь друг на друга. Парамон Никанорович оглянулся: жезлы, сигнальные фонари — все превратилось в тендеры. Тендеры обрели человеческие голоса и крикнули:

— Крушение!

Тендер, тендер, не шали! Двадцать пять лет работал, этого не было...

Трое суток лежал Парамон Никанорович в больнице,—все еще продолжал бредить тендерами.

Парамон Никанорович давно болен из-за тендера.

Весеннее солнце рассыпало яркие лучи на толстом еще слое снега, и снег, тая и смешиваясь с мазутом, пролитым вдоль рельсов, потерял свой белый цвет. Парамон Никанорович в пальто сидел за столом. Его красное лицо вспотело, и крупные капли пота скатывались на журнал.

Затрещал селектор.

— Корса слушает,—проговорил он, подойдя к селектору.—...Хорошо.

Парамон Никанорович снова сел за стол и забарабанил толстыми пальцами по столу, потом взялся за трубку стенного телефона:

— Первый пост, слушай. Сейчас примем поезд 2002. Внимательно осмотри стрелки. Навстречу идет поезд 4525. Хорошо, семафор можешь открыть,—докончил он, вытирая платком взмокшее лицо.

В это время затрещал жезловой аппарат. Парамон Никанорович нехотя поднялся и стал слушать.

— Корса ждет,—ответил он. Повесил телефонную трубку, надавил кнопку жезлового аппарата и стал вертеть ручку. Он был один среди всех аппаратов и, довольный, что поезда не опаздывают, не нарушают графика, с улыбкой делал записи в журнал.

Снова затрещал жезловой аппарат, и Парамон Никанорович взялся за телефонную трубку.

— Корса слушает. Жду,—сказал он и привел в действие аппарат, чтобы дать жезл поезду 4525.

Весеннее солнце грело. В маленькой конторе было так тихо, что, казалось, можно уловить шелест летящих пылинок.

— Так, 66 поезд идет во-время. 4525 пропущу без остановки,—вслух сказал Парамон Никанорович.

Стрелки, рельсы светились в лучах солнца и будто колыхались, как живые. Природа, молчавшая долгую зиму, улыбалась, шелестела, двигалась.

Раздался протяжный свисток паровоза.

— Ага, 4525 идет,—по свистку узнал Парамон Никанорович и снова взялся за телефон.

— Первый пост, открыл семафор? Закрой. Сначала примем 4525 поезд.

Потом вызвал второй пост и сказал:

— Второй пост, принимаем 4525. Открой семафор на первый путь.

Отдав распоряжение, он подошел к селектору:

— Отделение, отделение, я, Корса, принимаю 4525.

Сквозь окно смеялось весеннее солнце. Падающие капли звенели весенней мелодией.

С прибытием поезда 4525 разъезд оживился. Главный кондуктор вошел в контору и начал перебирать документы. Вдоль состава, переговариваясь и смеясь, шли кондуктора. На весь поезд только пять человек были заняты делом. Помощник машиниста смазывал какие-то части паровоза. Машинист проверял тормоза, клапаны. Двое смазчиков, держа лейки с маслом, молотки и ключи, ощупывали буксы вагонов. Третий смазчик возился около паровоза, ударял молотком о стальные части, и они мелодично звенели.

Медлительный Парамон Никанорович преобразился. Он подходил то к железному аппарату, то к селектору, то разговаривал по телефону, то довольный, с улыбкой обращался к главному кондуктору. Сегодня удачный день,—все поезда идут без опоздания.

Не успел Парамон Никанорович и главный кондуктор проверить маршрут и записать тоннаж поезда, как один из смазчиков пришел в контору и сказал:

— Начальник, дайте бумагу, заявление надо написать.

Парамон Никанорович окинул его сердитым взглядом.

— В чем дело? Что случилось?

— В нашем составе тендер есть. Так у него вот крюк оторвался,—поянил смазчик, вытирая перепачканные мазутою руки о паклю.

— Почему оторвался? Почему на той станции не отцепили?

— Начальство нам сказала: «Чего горячитесь? Это старый тендер на ремонт отправляется».

— Не морочь голову,—оборвал смазчика Парамон Никанорович, берясь за телефонную трубку.

Телефон молчал.

— Эх, бездельники!—проворчал он. Потом сердито прошелся по комнате и снова взялся за трубку, но ответа опять не последовало.

— Пойдемте, осмотрим тендер. Маленечко подправим и пустим дальше,—предложил наконец он.

Главный кондуктор, смазчик и Парамон Никанорович вышли из конторы и встретились с идущим к ним машинистом.

— Механик, как дела? Осмотрел тендер?—с приветливой улыбкой обратился к нему Парамон Никанорович.

— Осмотрел. Дальше везти нельзя. Придется здесь отцепить.

— Это еще что такое! Нет, нет, везите дальше. У меня всего три пути и нет ни одного тупика. Что же, тендер и будет маячить перед моими глазами?

— Как хотите, но я не могу допустить крушения. Мы тендер отцепим. Сегодня вечером приедет слесарь, починит, а завтра прицепите его к сборному поезду,—холодно ответил машинист.

— Под суд отдать вас надо!—вспылил Парамон Никанорович.

— Если будешь за износку стали людей под суд отдавать, никаких судов не хватит.

Парамон Никанорович промолчал. Он вошел в контору, сердито отшвырнул журналы, подошел к селектору и стал говорить:

— Корса говорит, у меня хотят оставить тендер, сломанный тендер. Как быть?

Подождав ответа, он отошел от селектора и рывкнул:

— Уйдите! На глаза не показывайтесь! Не желаю видеть ни вас, ни вашего тендера. Вон!

— Рехнулся старик,—усмехнулись кондуктора и спокойно ушли.

После работы Парамон Никанорович вернулся к себе на квартиру. Жена начала потчевать его вкусными блюдами, но он сидел сердитый и в своей толстой супруге находил сходство со сломанным тендером. После обильного обеда они по заведенной привычке легли спать. Долго ворочался Парамон Никанорович, никак не мог отогнать назойливых мыслей о тендере, но наконец забылся.

Ему приснилось, что весь разъезд полон тендерами. Поломанные тендеры номер 144 серии «Щ» подкатили к Парамону Никаноровичу и навалились на него.

— Умираю, умираю,—закричал он.

Перепуганная жена в первую минуту не знала, что делать. Потом, схватившись за голову, опрометью кинулась в контору, помещавшуюся рядом, и привела дежурного по станции.

Парамон Никанорович продолжал выкрикивать:

— Не навязывай тендера! Забери его! Умираю!

С первым отходящим пассажирским поездом Парамона Никаноровича отправили в город, в больницу.

И там бред не прекращался.

— Двадцать пять лет прослужил, такой подлости не совершил. И вдруг тендер маячит перед моими глазами,—бормотал он.

В полях стоял снег. Зазеленела трава. Давно уже разбушевавшаяся река вошла в свои берега. Леса закудрявились, и молодые листочки перешептывались с теплым ветерком.

Парамона Никаноровича осмотрело множество врачей, перебывал он во многих комиссиях, но нигде ничего определенного сказать не смогли.

— Его нужно вернуть домой. Пусть отдохнет, тогда забудет про тендер,—предложил старший врач клиники.

Так и сделали. Парамон Никанорович вернулся на разъезд Корса. Ему продолжало казаться, что тендер номер 144 серии «Щ» все еще торчит на одном из трех путей.

Уже деревья покрылись густой листвой, вытянулась трава на лугах, зазеленели хлеба. К разъезду Корса долетало пыхтение паровоза, громы вагонов, шум колес.

Услышав знакомые звуки, похудевший, осунувшийся Парамон Никанорович вышел к путям, хотя там ему нечего было делать.

Паровоз дал три короткие свистка и подкатил к разъезду Корса. Поезд состоял из новеньких вагонов: Парамон Никанорович внимательно следил за сигналами кондукторов и вдруг увидел в только что подошедшем составе новый тендер номер 144 серии «Щ».

Старик почувствовал неожиданное облегчение.

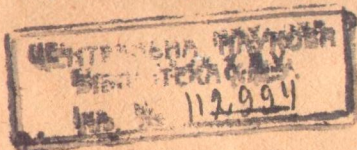
В эту минуту к нему подошел дежурный по станции и сказал:

— Смотри, Парамон Никанорович, каким красавцем стал тендер, стоявший на нашем разъезде!

Парамон Никанорович, возбужденный, подбежал к указанному тендеру и стал осматривать его со всех сторон.

Парамон Никанорович почувствовал, как бывшее здоровье вернулось к нему, и на его лице впервые за много месяцев заиграла довольная улыбка.

Утром он вышел на работу. Он почувствовал снова себя здоровым и крепким.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Мусы Джалиля	Стр. 3
------------------------------------	-----------

СТИХИ

С. Баттал. На посту	Перев. Л. Пеньковского	13
Аюп Гарей. Песнь моря.	» С. Олендера	—
Муса Джалиль. Зейнаб.	» А. Миниха	15
Ахмед Ерикеев. Сабира.	» Л. Пеньковского	20
Ф. Карим. Спор начат.	» М. Тарловского	24
Мансур Крымов. Донбасские ночи.	» Л. Пеньковского	27
Ш. Маннур. Красное знамя на минарете.	» » »	29
Хады Такташ. Тамбовский поезд.	» М. Тарловского	32
Г. Тляш. Беседа.	» Л. Руставелли	34
А. Турей. «Альбатрос».	» М. Тарловского	36
Хасан Туфан. Биктимир.	» Л. Пеньковского	37
Ахмед Файзи. О бодрости.	» М. Тарловского	39

ПРОЗА

М. Амиров. Хикматуллин.	Перев. Г. Шариповой	45
И. Газы. Серебристая нурминка.	» » »	52
Махмуд Галяу. Новый свинопас.	» автора	62
Г. Ильясов. Кровь сердца.	» Г. Шариповой	84
Шариф Камал. Старый волк.	» » »	93
М. Максуд. Весенняя песня.	» » »	105
Кави Наджми. Жребий.	» » »	107
Ф. Сейфи. Крючники.	» » »	122
Г. Тулумбайский. Летний ветер.	» » »	130
Тагир Усманов-Сулмаш. Тендер.	» » »	139

